

После «Кремлевских жен», книги, ставшей супербестселлером, ее автор Лариса Васильева занялась женщинами на русском троне. Попутно дописывала и переиздавала «Кремлевских жен». Но однажды и то и другое ушло на периферию ее внимания — ради новой работы, ради романа «Сказки о любви». Ею Лариса Николаевна Васильева собирается выпустить в свет в издательстве «Атлантида».

— Почему такое название?

— Это очень простое название. Тринадцать историй о любви. А в слове «сказка» всегда есть оттенок иронии.

— Разве?

— Во всяком случае в сочетании со словом «любовь».

— Но почему роман, если вы сами говорите, что у вас отдельные новеллы?

— Они соединены кровно, потому что не только дополняют друг друга, но и все вместе составляют некую концепцию.

— Какую же?

— Я не хочу пересказывать книгу. Мне кажется, что я написала первый российский женский роман. Потому что до сих пор романы в России, даже если

# ЛЮБОВЬ? СКАЗКИ ЭТО!

их авторами были женщины, писались в границах мужской литературы, где мир был изображен с точки зрения мужчины.

— А зачем делить мир на «мужской» и «женский»?

— А он изначально так разделен, с момента сотворения. Увидеть его без «поправки на пол» дано только Создателю. Я хотела показать: любовная ситуация, конечно, у каждой из нас своя. Но драма — общая, бездна, в которую мы летим, общая. В числителе — любовь, то есть для женщины — судьба, в знаменателе — большая история, судьба государства. Или, точнее сказать, разных государств в разные эпохи.

— Например?

— Одна из тем — поэт и тиран. А конкретно — Ахматова и Сталин. У меня есть одно, скромно говоря, открытие. Но пока о нем не будем говорить, ладно?

— Так что с поэтом и тираном?

— Это была своего рода ду-

эль. Они «стреляли» друг в друга. Он никогда не выпускал ее из виду. Она всегда думала о нем.

— Но они никогда друг друга не видели.

— А может быть, и видели. У меня есть основания думать, что встречались. В первый раз это было на море, ей было девять лет, ему — двадцать один. И потом, возможно, они виделись на поэтической встрече. У китайцев есть специальные названия для обозначения женского и мужского начал — ин и янь. И тут во взаимоотношениях — огромное напряжение ин и янь, находящихся на огромном расстоянии друг от друга.

— Вы полагаете, что Сталин был влюблен в Ахматову?

— В общепринятом смысле слова, конечно, нет. Но он ощущал ее присутствие в мире — как чего-то совершенно иного, нежели он сам.

— Пусть так. Но почему вы утверждаете, что мужчина-автор этого видеть и понимать не

может?

— Не знаю, почему не может. Я вам это просто покажу. Ну, в каком романе, как считаете, лучше всего изображена женщина? В «Анне Карениной», да? Отношения Анны с Карениным? Вот она возвращается домой, у нее уже все было с Вронским, на перроне Анну встречает Каренин, и она замечает его торчащие уши. Принято считать эту сцену психологически безупречной, не так ли? А я утверждаю, что все было не так. Анна не способна в этой ситуации заметить уши Каренина. Женщине в таких случаях кажется, что с ней произошло невероятное, что это изменило ее, и это изменение отразилось на ее облике, на ее лице. Она с ужасом и стыдом ждет, что это увидят другие, увидит муж. Уши Каренина видны одному Льву Николаевичу, которому Каренин не нравится.

— Великие поэты среди женщин есть, а великих прозаиков нет. Почему, как вы думаете?

— Это долгий разговор. Это совсем схематично, то в течение века литература проходит несколько стадий. В первой четверти — власть поэзии. Потом беллетристики, документалистики и публицистики. И, наконец, драматургии. Сейчас как раз время драматургии — когда техника вмещалась в искусство и переплелась с ним. Мы смотрим бесконечную пьесу по ящику. Начало века родило поэтов. Среди них оказалось несколько очень больших — и мужчин, и женщин. Но, обратите внимание, потом у нас гениальных прозаиков, публицистов, драматургов не было ни среди женщин, ни среди мужчин. Видимо, в атмосфере общества было что-то такое, что мешало. Или творческие силы народа ушли на другое. Так что «дефицит гениальности» относится не только к женщинам. Я думаю, женщины догонят мужчин и в прозе.

— «Кремлевские жены» и «Женщина на русском троне» — это документалистика?

— Мы, то есть мы, женщины, так мало знаем о себе. Я потому и начала писать книгу о женщинах на русском троне, что даже

(Окончание на стр. 9).

о них мы, как это ни парадоксально, мало что понимаем. Хотя в тех, что оказались «наверху», сфокусировано то, что происходит с миллионами.

— Вы говорите, что мы ничего не знаем о российских императрицах. Но ведь есть воспоминания Екатерины Великой, книги Валишевского, посвященные русским царицам. Да и другие наши историки их никак не обходили вниманием.

— На этих женщин всегда смотрели с чисто мужской точки зрения. То есть смотрели, насколько их поведение совпадает с мужским вариантом поведения и насколько от него отклоняется. Если отклоняется — плохая царица. Вот все историки дружно уважают Екатерину Вторую. Естественно! Она ведь всю жизнь вела себя в делах, как мужчина, побеждала судьбу, руководствуясь мужскими правилами игры. И тяжело за это платилась. Ее никто никогда не любил.

— Лариса Николаевна! Побойтесь Бога!

— Один любил, Ланской. Остальные через отношения с государыней реализовывали свои амбиции.

— Да, женщин-начальниц не любят. Обычно у них амбиции

больше, чем амуниции.

— Да уж, у мужчин амуниция роскошная, что и говорить! Без слез не взглянешь! Хотя женщины, оказавшиеся у власти, очень часто подражают мужчинам и стараются «руководить», как они. Это их самая распространенная ошибка. Женщина, конечно, не руководительница. Она управительница.

— А какая разница?

— Очевидная. Посмотрите на хорошую семью: глава в ней папа, но «исполнительную власть» осуществляет мама. И вот результат: на уровне семьи, где экономикой ведает мама, женщина, — мы выживаем. На уровне страны, где экономикой заняты исключительно мужчины, — мы пускаем пузыри.

— Но Бог же не случайно создал Еву из ребра ее мужа.

— А я думаю, что вся эта история с ребром — поздняя трактовка событий. В Писании ведь сказано: Бог создал мужчину и создал женщину, заповедал им, чтобы совместно владели этим

миром. Вся беда в том, что люди всегда путали равенство с тождеством.

— И с вашей помощью она теперь получает шанс прозреть?

— Шанс прозреть ей дает время. Двадцатый век не похож ни на какой другой своим темпом. Понимаете, ведь долгие века, по существу, ничего не менялось: что было, скажем, в 1789 году, то же примерно происходило и в 1884-м. А потом время рвануло. Так что мы живем в необыкновенную эпоху.

— А почему вы начали сначала писать о «кремлевских женах», а уж потом о женщинах на русском троне?

— Я испугалась возвращения цензуры. Мне показалось, что если я не напечатаю «Кремлевских жен» немедленно, то потом это не удастся уже никогда. Но я продолжала работать и над первой книгой, над «Женщиной на русском троне». И чем дальше, тем мне интереснее. Сначала я книги по истории читала как бы только глазами: Карамзина и Татищева, Соловьева и

Костомарова. А дальше пошли менее известные авторы — и потрясающие открытия. Для меня это открытия. У моего мужа было много редких книг, в том числе и раритетов. Например, «История» Ивана Елагина. Пушкин был маленьким, когда эта книжка вышла впервые. Ну вот вы, например, знаете, что после смерти царя Федора Иоанновича, сына Грозного, девять дней царствовала его жена Ирина?

— Нет, не знаю. Знаю, что она после смерти мужа постриглась в монахини.

— Это было потом. А сначала она приняла царский венец, чтобы ее брат, Борис Годунов, получил возможность прийти к власти законным путем, как ближайший родственник царствующей особы. Ирина совершила подвиг сестринской любви.

Очень многозначительны в нашей истории все ситуации с детьми, с убийствами царевичами. Убийством ребенка, если проследить, кончались династии. Вообще женский взгляд на историю — это прежде всего ин-

терес к ребенку. Я сейчас составляю книгу, она тоже выйдет в «Атлантиде», в серии «Семья на фоне времени», называется «Поляковы». Ко мне попал дневник девушки, дочка фабриканта Полякова. Это мистика какая-то: сначала почти ребенок, которому важным кажется всякая детская ерунда, а чем-то обиденным — что в их дом приходят генерал-губернатор Трепов, Катков, Антон Рубинштейн, Марк Антокольский. Она взрослеет на наших глазах. Перед нами жизнь с юности до старости — одинокой и холодной. Что это? Семья на фоне истории? История на фоне души?

— А стихов вы больше не пишете. Почему?

— Когда у меня вышел двухтомник, я испугалась: это ж, думаю, избранное. Сколько ж я написала стихов и еще напишу! Но зря я боялась. Лета, как говорят, к суровой прозе клонят. И потом я не влюблена — какие могут быть стихи!

— Сколько поэтов писали и не будучи влюбленными?

— Обратите внимание: это все были мужчины.

Беседовала Т.БЛАЖНОВА.